

Наша правда против большой лжи: эмоции и объективность в ранних трансляциях “Радио Свободная Европа”

Выступая перед Американским Обществом газетных редакторов в апреле 1950 года, президент Гарри Трумэн заявил, что холодная война — это “прежде всего борьба за умы”. Коммунисты, предостерег он, склоняют на свою сторону миллионы людей по всему миру. Однако в основе их успеха не идейная мощь, а искусная пропаганда, прибегающая к “обману, извращению фактов и ко лжи”. “Коммунисты используют пропаганду настолько лживую, вопиющую и неприкрытую, что мы удивляемся, как кто-то вообще может этому поверить, — заявлял Трумэн. — Мы забываем, что люди, на которых она нацелена, не имеют свободного доступа к достоверной информации”. Народ верит лжи, распространяемой коммунистами, лишь потому, что не знает подлинных фактов. Соединенные Штаты должны противопоставить “лживой пропаганде” коммунизма свою собственную, “простую, ясную, неприукрашенную правду, которая будет звучать по радио, в газетах, в кинохронике и прочих источниках, пользующихся доверием людей”¹.

В речи перед редакторами газет Трумэн приравнивал “правду” к “факту”. Он подразумевал, что официальные представления Америки о коммунизме опираются на объективный анализ актуальной информации и что, обладая доступом к этим данным, любой неизбежно придет к тем же самым выводам. Разумеется, говоря о том, что коммунизм — это просто нагромождение лжи, Трумэн руководствовался собственными убеждениями, а не только фактами. Большин-

ство американцев считали, что порочность коммунистического строя — неоспоримая истина, не требующая дополнительных доказательств. Но тем не менее идея о том, что в основе американской правды лежат объективные факты, в то время как коммунизм зиждется исключительно на обмане, стала неотъемлемой частью американской пропаганды времен холодной войны.

“Радио Свободная Европа” (РСЕ) было создано для противодействия тому, что США часто называли “большой коммунистической ложью”². Как и Трумэн, радиостанция нередко смешивала понятия “факт” и “истина”. Миссией РСЕ было сообщать факты, но с определенной целью: показывать “настоящую” правду о коммунизме (как она виделась сотрудникам радиостанции) и разоблачать ложь, тиражируемую коммунистической пропагандой. Хотя радиостанция и позиционировала себя как “микрофон правды” (этот образ использовался в некоторых американских рекламных материалах), РСЕ не афишировала ни свои источники финансирования, ни то, кем именно и для чего она была создана. По официальной версии, радиостанцией управлял частный фонд под названием “Комитет Свободной Европы”, получавший финансирование исключительно за счет пожертвований простых американцев, которые своим “честным долларом” поддерживали жителей Восточной Европы, оказавшихся в плену за железным занавесом. Однако частные пожертвования покрывали лишь часть расходов радиостанции. В значительной степени “Радио Свобода”

финансировалось ЦРУ — но эта информация была обнародована только в 1971 году.

По мысли Трумэна, прозвучавшей в его выступлении перед редакторами американских газет, для того, чтобы обезвредить коммунистическую пропаганду, достаточно просто освещать факты. Но сотрудники “Радио Свобода” знали, что их задача далеко не так проста. В отличие от сегодняшней практики распространения “фальшивых новостей” (fake news), они старались не выпускать в эфир репортажи, не подкрепленные фактами, однако было понятно, что факты нуждаются в соответствующей подаче — иначе не удастся достичь желаемых целей. Слушателей РСЕ нужно было убедить, что они имеют дело с надежным источником достоверной информации. Для этого радиостанция активно создавала себе имидж объективного источника новостей, опирающегося на точные факты. В то же время в своих передачах РСЕ открыто стремилось дискредитировать коммунистические СМИ как голую пропаганду³. В эфире не просто освещались факты — эти факты целенаправленно использовались в сюжетах, призванных укрепить доверие к радиостанции. Программы “Радио Свобода” подавали информацию таким образом, чтобы она служила “объективным доказательством” порочности восточноевропейских коммунистических режимов.

Внутренняя организация “Радио Свобода” усугубляла эту и без того непростую задачу. Концепция РСЕ была разработана сотрудниками американской разведки, радиостанция финансировалась из американских источников, однако по изначальному замыслу она должна была представлять голос “свободных” жителей Восточной Европы⁴. В соответствии с этим службы РСЕ на разных языках возглавляли выходцы из соответствующих стран, а тексты передач в основном писали и озвучивали в эфире эмигранты. Впрочем, все они работали под надзором американцев. Поначалу американские консультанты читали и утверждали текст перед эфиром. Затем, когда в 1951 году основная деятельность радиостанции переместилась из Нью-Йорка в Мюнхен, американские политические консультанты выборочно читали транскрипты (в переводе)

уже после вещания и предлагали авторам рекомендации по созданию более эффективной пропаганды.

С годами трансляция “Свободной Европы” сильно изменилась, но в начале 1950-х годов эфир изобилдовал грубыми оскорблениями и гипертрофированными обличениями коммунистических режимов. Сценаристы — эмигранты из Восточной Европы, многие из которых покинули свои страны из-за резкого несогласия с политикой коммунистов, — стремились создать эмоциональную связь с аудиторией на родине, где, как им представлялось, царят антикоммунистические настроения. Сперва американские консультанты РСЕ одобряли и даже поощряли этот подход, но постепенно те, кто анализировал тексты передач сидя в Нью-Йорке, начали выступать против подобной риторики⁵. Они требовали, чтобы передачи были “остро критическими” и “энергичными”, но при этом не скатывались бы к грубой ругани. Политические консультанты рекомендовали авторам передач не оскорблять коммунистов, а с помощью фактов демонстрировать их неправоту. Однако оказалось, что сотрудникам-эмигрантам трудно изменить подход. В 1951 году рецензент из политического отдела РСЕ отмечал, что “типичная передача венгерской редакции” переполнена бранью и обвинениями коммунистических деятелей в сугубой безнравственности. В “далеко не полном перечне” эпитетов, использованных в тексте одной из передач, встречаются “проклятые язычники; бандиты; подлые мрази; бесчеловечные наемники; ненасытные волки; чертовы выскочки из Москвы; бездушные разбойники; дикие твари”⁶.

С точки зрения американских консультантов, излишне экспрессивный язык представлялся сомнительным по многим причинам. Венгерские авторы текстов, распинавшиеся на тему проклятых язычников и подлых отбросов, захвативших власть в Будапеште, верили, что открытое выражение ненависти найдет благодарную аудиторию на родине. Но демонизация коммунизма и его сторонников могла и оттолкнуть тех самых слушателей, которых они стремились привлечь. В одной из записок, посвященных стратегии “Радио

Свободная Европа”, проанализирован текст программы “Встретимся в полночь”, которая транслировалась в течение недели, закончившейся 17 августа 1951 года. В программе упоминались имена 57 рабочих, вступивших в коммунистическую партию, с комментарием о том, что “многие в этом списке — негодяи”, но делалась оговорка, что среди них “есть и приличные люди”. Рабочие, вынужденные вступить в партию, разумеется, не пришли бы в восторг, услышав в эфире собственные имена с ярлыком вероятных “негодяев”, пусть даже с уточнением, что кто-то из них, может быть, и “приличный человек”⁷.

Сотрудники подразделения РСЕ, занимавшегося выработкой стратегии, опасались, что некоторые авторы выражают точку зрения элиты и подобный взгляд может не встретить отклика у широких масс на родине. Они рекомендовали воздержаться от пренебрежительных замечаний в адрес рабочего класса или иных социальных групп, которые ранее играли менее заметную роль. В качестве примера можно привести аналитическую записку, датированную 1952 годом, в которой венгерскую редакцию критиковали за привычку высмеивать пролетарское происхождение партийных функционеров: в одном из текстов этого периода, к примеру, отмечалось, что некий министр “не мог выучиться хорошим манерам и дипломатичному поведению”, поскольку в прошлом он “торговал инвентарем для пинг-понга”. Обозреватель РСЕ отмечал, что подобные выражения способны оттолкнуть венгров, не принадлежащих к элите, которые, вполне возможно, совсем не против, чтобы непривилегированные классы имели доступ к ключевым правительственным постам⁸. Другой американский рецензент критикует выпуски программы “Два билета” венгерской службы РСЕ, которые транслировались в течение недели, заканчивающейся 8 июня 1951 года. В этих выпусках женщины были названы “тупыми приверженками коммунизма” (рецензент даже предположил, что автор страдает “каким-то комплексом”, связанным с женщинами) — употребление подобных эпитетов едва ли могло способствовать укреплению доверия среди женской аудитории⁹.

Пространные филиппики, направленные

против коммунистических режимов и их сторонников, не соответствовали задачам радиостанции также и по другой причине: они не демонстрировали ключевое, с точки зрения американских рецензентов, различие между Западом и Востоком, а именно — что Запад придерживался стандартов объективности, в то время как коммунисты извращали факты, чтобы скрыть свои истинные намерения. Американские пропагандисты стремились к тому, чтобы в представлении их слушателей использование необоснованных преувеличений ассоциировалось исключительно с коммунистическими СМИ. Они настаивали, чтобы авторы текстов для передач РСЕ атаковали европейские коммунистические режимы с помощью фактов, а не эпитетов. В обзоре программ венгерской редакции за июнь 1951 года выражено неодобрение в связи с тем, что редакция постоянно использует оскорбления и обобщения вместо фактов, которые могли бы сделать антикоммунистический аргумент более убедительным. Рецензент высказывает недовольство в связи с тем, что “хороший сюжет” о массовых депортациях жителей Будапешта в провинцию “неудачно подан”, поскольку репортаж “изобилует неумеренными, бессмысленными угрозами исключительно риторического свойства, отчего передача в целом выглядит нелепо и смехотворно”¹⁰. Вместо того чтобы тратить эфирное время, в сотый раз повторяя, что коммунисты — негодяи и мерзавцы, авторам передач следует подробно и в спокойном тоне рассказывать об их действиях. Будапештские депортации могли бы стать “удачным сюжетом”, потому что этот пример позволял РСЕ продемонстрировать и жестокость коммунистов, и собственную приверженность принципу объективности.

Тот же рецензент более благосклонно отзываясь о программе “Врут и не краснеют”, вышедшей на той же неделе. В передаче говорилось о несостоятельности некоторых заявлений венгерских коммунистических СМИ: с этой целью цитировались краткие фрагменты из коммунистической прессы, которые затем опровергались с помощью остроумных контраргументов. Таким образом, программа демонстрировала именно те качества — кон-

кретность и броский язык, к которым стремились нью-йоркские консультанты, отвечавшие за стратегию. Позднее на тех же принципах будет основана другая передача — “Обратная сторона медали”, выходящая в двух версиях — для Польши и для Чехословакии (польская и чехословацкая версии строились на общих принципах, но конкретные тексты передач различались). Как говорилось во вступлении к чехословацкому варианту программы, “мы разоблачаем ложь и хитрости коммунистической пропаганды”¹¹. В каждом выпуске коммунистическая пресса “расшифровывалась”: авторы выбирали определенные фрагменты, которые можно было считать не соответствующими действительности, а затем слушателям сообщали реальные факты.

Впрочем, эта тактика предполагала, что РСЕ будет соответствовать собственным стандартам и не станет приукрашивать факты для усиления собственного аргумента, поскольку в противном случае радиостанция рисковала утратить авторитет в глазах слушателей. Анализ передач, вышедших на чешском языке в 1951 году, в пух и прах разносит программу от 1 июня за “неубедительные экономические рассуждения, которые может опровергнуть любой человек с базовыми представлениями об экономике”. Рецензент сетует также на то, что в сценарии содержатся “ложные, а потому подрывающие пропагандистскую ценность” данные о сумме, которую США тратят на вооружение, и о том, как военные расходы влияют на налоги средне-статистического американца¹². Консультанты, отвечающие за стратегию радиостанции, также предостерегали различные редакции от распространения неподтвержденных слухов, которые попадали туда через корреспондентов или недавних беженцев. К примеру, в болгарской передаче, датированной мартом 1952 года, сообщалось, что два болгарских министра могут “в любой момент” стать жертвами чистки. В итоге оба чиновника остались на своих постах, что повредило репутации РСЕ, стремившейся заявить о себе как о надежном источнике информации¹³.

Многие тексты передач, особенно тех, что были написаны до июня 1953 года, ставили знак равенства между правдой о коммуниз-

ме, с одной стороны, и террором и репрессиями — с другой. Передачи разоблачали чудовищные преступления коммунистических режимов, предавали огласке истории о тюрьмах и лагерях и неустанно напоминали слушателям, что они со всех сторон окружены стукачами. Типичный пример: серия передач румынской редакции была посвящена садистским приемам, которые используют коммунистические органы госбезопасности. Передача от 6 февраля 1951 года целиком состояла из обвинений в адрес служб безопасности в жестокости, с указанием имен сотрудников и места происшествий. “Список жертв этих преступников так велик, что мы не можем зачитать его целиком, — сообщал ведущий, — среди них — убитые; сгинувшие в бухарестских тюрьмах; патриоты, арестованные у себя дома на глазах у родных или на улицах; сосланные в Россию, на работы на строительстве канала, или во мрак шахт Окнеле-Мари; рабочие, искалеченные, изувеченные, на всю жизнь оставшиеся инвалидами; студенты, избитые за то, что они отказались склонить головы или продать душу коммунистическому чудовищу; и даже невинные женщины и дети, обвиненные в «реакционных взглядах»”¹⁴. В этом тексте суть коммунизма сводилась к массовому убийству невинных людей по повелению головорезов и бандитов.

Безусловно, восточноевропейские режимы использовали методы террора. Однако эмоциональные тирады, в подробностях описывающие зверства и преступления, вызывали у слушателей чувство бессилия и отчаяния, что не входило в намерения авторов. Данные разведки, полученные из Венгрии, свидетельствовали о том, что сверхэмоциональный тон таких передач “одурманивал людей” и вызывал скорее ступор, чем активные действия¹⁵. Подобные передачи подсознательно внушали аудитории, что перед ней враг, противостоять которому невозможно. Американские сотрудники РСЕ понимали, что подобный подход представляет для станции проблему. Во внутреннем документе РСЕ отмечалось, что “акцентируя внимание на масштабах террора, [РСЕ] невольно усугубляет восприятие режима как непреодолимой силы”¹⁶. Постоянные истории об ужасах коммунизма заставляли

слушателей РСЕ чувствовать себя слабыми и уязвимыми. Одна из аналитических записок задается вопросом: “в красках описывая атмосферу бесправия, в которой вынуждены существовать подневольные народы, возможно, мы тем самым усиливаем у них ощущение собственной беспомощности?”¹⁷

Эфир РСЕ становился своего рода эхо-камерой, в которой страх перед, к примеру, могуществом служб безопасности становился еще сильнее. В регулярных программах нескольких редакций в эфире называли имена людей, которые, как подозревали, были информаторами или агентами служб госбезопасности. Эти передачи были очень популярны. В интервью ВВС в 1953 году 26-летний житель Вроцлава сообщил, что программы РСЕ, раскрывавшие имена информаторов, пользовались большим авторитетом. По его словам, когда он жил в городе Болькув, в эфире РСЕ в числе информаторов было названо несколько жителей этого города. Опасаясь возмездия, они обратились в полицию с просьбой обеспечить им защиту¹⁸. Другой пример: молодой поляк, недавно бежавший из страны, на вопрос ведущего “Голоса Америки” о любимых передачах посоветовал радиостанции последовать примеру РСЕ и создать свою версию таких программ. “Вы знаете, что в Польше очень боятся органов государственной безопасности, — сказал он, — вокруг масса «шпионов», поляков-коммунистов, которые борются с собственными согражданами-коммунистами. Имена этих «шпионов» должны звучать в эфире, потому что тогда, возможно, они будут больше бояться, а люди будут куда больше верить «Голосу Америки»¹⁹.

Венгр из деревни Шуттор рядом с Шопроном, обозначенный инициалами К. А., признался “Голосу Америки”, что его любимая радиопередача — это “Балинт Бода” на РСЕ. Особенно ему нравились выпуски, где Балинт Бода перечисляет всех информаторов в районе Шопрона, в том числе в Шутторе. “Он назвал несколько человек, которых мы бы никогда не заподозрили”, — отмечал К. А. По словам К. А., всякий раз, когда Балинт Бода упоминал окрестных стукачей, он записывал их имена. Однажды он даже отправился в соседнюю деревню на велосипеде, чтобы сооб-

щить живущим там родственникам, кто у них в деревне, по мнению РСЕ, сотрудничает с органами²⁰. К. А. не сомневался, что Балинту Боду известны личности информаторов. Хотя упоминание некоторых имен вызвало у него удивление, он был уверен, что РСЕ говорит правду. Многие другие опрошенные “Голосом Америки” венгры говорили о том, что им нравилась программа РСЕ “Балинт Бода”, потому что в ней раскрывались имена информаторов, и подчеркивали, что слушали ее регулярно и с огромным интересом.

Программа “Балинт Бода” пользовалась большим успехом, но представляла собой проблему с точки зрения пропаганды. Это ясно следует из доклада РСЕ из Чехословакии под красноречивым заголовком “Как жители Готвальдова ждут освобождения”. Источник — беженец 31 года, который давал интервью корреспонденту РСЕ в Зальцбурге, — заявлял, что большинство жителей города — против режима. Но вместе с тем обитатели Готвальдова были также убеждены, что они бессильны изменить ситуацию. По его словам, они просто “год за годом ждут освобождения, подобно тому, как заключенный ждет дня, когда его выпустят на свободу”²¹. В изложении данного источника жители Готвальдова привыкли думать о себе как о пленниках и утешаться сознанием собственной пассивности. Они исходили из того, что любые серьезные перемены могут прийти исключительно извне, в идеале — посредством войны, которую начнет Запад за их освобождение²².

Чтобы бороться с чувством апатии и безнадежности, американские консультанты призывали редакторов при подаче материала всячески подчеркивать, что люди сами способны изменить ситуацию. В отчете 1952 года отдел планирования РСЕ хвалит чехословацкую редакцию за то, как ее сотрудники преподнесли информацию о распределении хлеба, в ходе которой получают предпочтение области с более высоким процентом рабочего населения. “Вместо того чтобы с помощью этих данных акцентировать внимание на неравенстве, фаворитизме режима или дефиците в экономике, другими словами — подчеркнуть беспомощность людей, программа подает это как «манифестацию народной силы»”. В пере-

даче утверждалось, что если рабочие получают больше хлеба, это доказывает, что режим должен учитывать их потребности и уступать их требованиям²³. В другом анализе, датированном примерно годом позже, отдел планирования снова хвалит чехословацкую редакцию за репортаж о низложении Лаврентия Берии. Остальные редакции использовали арест Берии лишь для того, чтобы в очередной раз подчеркнуть жестокость коммунистических режимов. Однако чехословацкая редакция представила его падение как победу народа, утверждая, что “низвержение Берии — это очередная победа, достигнутая силами крестьянства”²⁴. Венгерская редакция также получает благосклонную оценку рецензента за то, что представляет новую политику недавно заступившего на пост Имре Надя как результат общественного недовольства. Особенно отмечена передача, в которой реформы названы “демонстрацией внутренней слабости и страха [режима] перед гневом рабочего класса”²⁵.

Похоже, в конце концов восточноевропейским корреспондентам РСЕ удалось создать “жесткие и энергичные” репортажи, которых ожидали от них американские консультанты²⁶. Но стал ли эфир РСЕ более “объективным” от того, что в передачах стало

меньше гневных выкриков и эмоциональных эпитетов? Многим слушателям казалось, что так оно и есть. Норберт Рак, молодой поляк, бежавший из страны, сообщает западному исследователю в Берлине, что осознает предвзятость иностранных радиостанций (вроде РСЕ). Тем не менее он считает, что доля правдивой информации на западном радио намного выше, чем в польских СМИ. Признавая, что в иностранных радиопередачах содержится антикоммунистическая пропаганда, он верит, что их пропаганда основана на “реальных фактах”²⁷.

Для Рака западное вещание было ближе к правде, поскольку содержало больше фактов. Однако он не понимал, что впечатление объективности, которое возникало благодаря использованию конкретных фактов, само по себе было итогом кропотливой работы американских пропагандистов и их восточноевропейских соратников, которые трудились именно для того, чтобы он пришел к такому выводу. Трумэн говорил, что все, что нужно американцам для победы в информационной войне — это предоставить людям доступ к фактам; но помимо этого им понадобилось оформить эти факты так, чтобы американская точка зрения выглядела как правда.

Примечания

- 1 TRUMAN H. S. *Address on Foreign Policy at a Luncheon of the American Society of Newspaper Editors* // Harry S. Truman Library & Museum. URL: <http://www.trumanlibrary.org/publicpapers/index.php?pid=715> (доступ 02.04.2017).
- 2 Инструкция РСЕ (не датирована; вероятно, 1951) // Hoover Institution Archives, Stanford, CA (HIA), Arch Puddington collection, box 2.
- 3 О культивировании объективности как формы пропаганды см. SCHLOSSER N.J. *Creating an "Atmosphere of Objectivity": Radio in the American Sector, Objectivity and the United States' Propaganda Campaign against the German Democratic Republic, 1945–1961* // German History. 2011. Vol. 29, № 4. P. 610–627.
- 4 О создании РСЕ см. JOHNSON A.R. *Radio Free Europe and Radio Liberty: The CIA Years and Beyond*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2010. P. 10–26.
- 5 *Ibid.* P. 40.
- 6 *Review of Hungarian desk for the week ending August 17, 1951* // HIA, RFE-corporate, box 194, 5.
- 7 *Ibid.* P. 4.
- 8 *Review of RFE production from March 27, 1952–April 19, 1952* // HIA, RFE-corporate, box 194, 4.
- 9 *Review of Hungarian desk for the week ending June 8, 1951* // HIA, RFE-corporate, box 194, supplement, P. 2.
- 10 *Ibid.* P. 3.
- 11 *Script from "Other Side of the Coin (Czech/Slovak version)", August 18, 1953* // HIA, RFE-broadcast, reel 46a.
- 12 *Memorandum from Planning Unit to Policy Board re 31 Munich scripts, June 12, 1951* // HIA, RFE-corporate, box 194, 7.
- 13 *Review of RFE production from March 27, 1952–April 19, 1952, 1.*
- 14 *Script from "Communist Police #2", February 6, 1951* // HIA, RFE-corporate, box 180, 2.
- 15 *Review of Hungarian desk for the week ending August 17, 1951.*
- 16 *Radio Free Europe Policies 1950–1956* // HIA, RFE-corporate, box 288, 1.
- 17 *Review of RFE production for the period January 31, 1952–February 13, 1952* // HIA, RFE-corporate, box 288, 2.
- 18 *"Western Broadcasts to Poland: Report on Interrogation of Recent Refugees from Poland"* // BBC Written Archives Centre (BBC WAC), E3/129 OS Audience Research, Eastern Europe, Poland, 1952-1956.
- 19 *Interview №001, Ryszard Rekowski, August 18, 1951* // U.S. National Archives and Records Administration, College Park (NARA), Record Group 59, General Records of the Department of State. International Information Administration/ International Evaluation Staff Iron Curtain Interviews, box 5, 3.
- 20 *Interview №039, K.A., November 19, 1951* // NARA, Iron Curtain Interviews, box 1, 5–6.
- 21 *Item №2451/54, "How Gottwaldov's Population is Waiting for Liberation", April 3, 1954* // Open Society Archive, Budapest (OSA), fond 300–30–2, reel 136, 3.
- 22 FEINBERG M. *Curtain of Lies: The Battle Over Truth in Stalinist Eastern Europe*. New York: Oxford University Press (готовится к печати), Ch. 5.
- 23 *Review of RFE production from March 27, 1952–April 19, 1952, 2.*
- 24 *Review of RFE production (Czechoslovak, Hungarian and Polish desks) from July 1–July 31, 1953* // HIA, RFE-Corporate, box 194, 1.
- 25 *Ibid.* P. 3.
- 26 *Ibid.* P. 5.
- 27 *Interview #081, Norbert Rak, December 4, 1951* // NARA, Iron Curtain Interviews, box 3, 5–6.